

Утратили выкупные.

Объявления на строку платят по
ценам, сложившимся в Латвии за текст 1 Л.
40 с. (70 р.) первая строка 14 с. (7 р.) вторая
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Для иностранных 10 швейц. франк. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (ул.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. трол. —
21733 и 21334, ночн. редакц. — 21334.
Главная контора и экспедиция Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21031, телеф. рекламного отдела 21235.

СЕГОДНЯ

№ 194.

ВЫХОДИТЬ УТРОМ И ВЕЧЕРОМ.

11-й г. изд.

Понедельник
15 июля 1929 года.

Цена номера в Латвии 12 швейц. франк.
в Латвии за оба нед. 60 швейц. франк. Подпис. за
оба нед. 80 франк., за утр. 40 франк. за воскрес.
45 франк. Подп. на „Сегодня“ в 1929 г.
срок (за 7 нед. в нед.) в Латвии 3 Л. 50 с.
(175 р.), за гр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 швейц. франк.
Подп. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечером“ (13 нед. в нед.): в Латвии
5 Л. 75 с., за гр. 8 Л. 50 с. или 1.70 швейц. франк.

Чехов и театр.

Влияние Чехова на театр представляло огромную, неизмеримую, долготочающуюся проблему. Это было взаимодействие и взаимная связь. Между Чеховым и театром лежала непреодолимая пропасть, и они должны были пройти явную, полную лишений противоречий.

Чеховское стремление к тихий театр, к противостоянию безразличности и шуму, его удивительно наталкивало здесь на многообразие, скромность сталкивалось с афишной рекламой, постоянство с изменчивостью, ровная задумчивость с бурностью творчества. Во всем они были чужды, но ничто так не тревожило Чехова, как театр. В сущности, все его духовная жизнь началась и окончилась театральными волнениями. Тут ли не накануне смерти, весной 1904 г., Чехов нигде не расстался спектаклем Метерлинка и сам мечтал о новой пьесе со смыслом не чеховский направлений, а брать писателя, П. П. Чехов, в своих воспоминаниях отзывался, что «театром» Антон Павлович увлекался со самого раннего детства, перешел к нему, пытаясь быть опереткой «Прекрасная Елена». Впрочем, дети Чехова одинаково увлекались драмой, оперой и опереткой, потом рассказывали эти пьесы у себя дома и в не свои жизни у них остались в памяти «Петербургские коты», «Юйбюте Коварный», «Ревизор», где, подражая актерам, Чехов исполнял роль горюничного.

Среди родственников Чехова оставались даже небольшая любительская труппа, где будущий писатель был, причислен к женскому персонажу. В первой же пьесе, «Юйбюте Коварный», Чехов был опереткой А. П. Чехов играть старуху-старуху и играть большие успехи, вызывая собой хотеть каждому своим появлением.

Когда семья переехала из Таганрога в Москву, Антону Чехову было 16 лет. Ему предстояло доучиваться в гимназии, учиться три года и тут он опять-таки часто посещал театр, а в 7-м классе написал драму «Боготворения» и с ней же довел «Недаром курна пьеса». Приближался курс в Москву. Антон Павлович курса разговаривал, но довольно спрессовано историю. В ней фигурировали конюх, женщина, брошенная под поезд, происходила ссора, было много всякого ужасов. Студент Чехов отправился к М. Н. Ермоловой и предложил ей поставить это произведение на бенефиций спектакль. Драма была возвращена и автору разорвать ее на мелкие кусочки. Тут мы

вступаем в область личной загадки. Пьеса та, что одна из героев «Боготворения» — пьесы носила фамилию «Войникова», потом, в своем издании, отставку из пьес «Дядя Ваня» Войникова.

Два года тому назад, в последний приезд сюда из Ригу знаменитого режиссера И. Ф. Шмидта, у нас с ним произошли любопытный разговор. Показывая у себя в чемодане, И. Ф. вынул объемистую литографированную пьесу на немецком языке «Линия чеховых Платоновых». Выслушавши мою молчаливую реакцию, И. Ф. Шмидт и Коз предлагали ее для постановки нескольким театрам, в том числе и театру Рейндарта, где И. Ф. Шмидт служил режиссером. У него являлось естественное сомнение: откуда явилось молчаливое издательство пьесы Чехова? Во то же время — почему нам русским она неизвестна? Почему быть вследствие удачного или странного случая эта драма осталась в Ваденверд, где Чехов умер, и автор попал в руки издателей? И. Ф. Шмидт и Коз, же не сразу отпустили, выжидали, пока не известия пьесы умиралой Чехов в Ваденверд не верну, — иначе бы этому было бы хорошо известно сопровождающей его жене О. Л. Каннинг-Чеховой. «Линия чеховых Платоновых» показала мне отрывки. Многие в ней, несомненно, принадлежали Чехову, но много казалось подделкой под Чехова, особенно конец. Тот же там и заглавие было совсем не чеховским: «Линия чеховых Платоновых» — это слишком правдоподобно, — а потому, чтобы избежать от названий простоты доказу, даже предположить. Сомнения была всегда ему чужды.

Вскоре мы разговаривали. В архив Чехова в 1920 году была найдена неизвестная 4-летняя пьеса без всякого заглавия, найденная потом в Москве Центральным (1928). В ней, как в «Боготворениях»: конюхы, ссоры, героиня — Войникова, один из героев — Войникова. Все персонажи наделены многими признаками чеховскими чертами. Между прочим, есть поминки, ее характерной для Чехова фамилия Чербуха, наполовину чужды фигурирует Пинина, а главное центральное лицо, Платонов, психологически близок к знакомым нам Астрому и Ивану. Но и вся пьеса в своих основах тотальна, в обстановке действия, в своей тождественности не чужда общему разуму и характеру чеховской драматургии. Знакомы здесь не только характеры, но и объективные положения: врач, студент, полков-

ник, помещик и т. д. В надательстве: Р. Пиппера и Ко, эти пьесы называются так: Anton Tschhoff. Der unglückliche Mensch. Pиппер! Воле как давно в Чехов пропуская драматургия.

Ему было 34 года, когда выпал его первый сборник рассказов, но и он назывался «Сказки Малыхманы», и в том же году Чехов написал драматический этюд в одном действии («А большой дороге», запрещенный цензурой: в изображенном происшествии помещик утомился опасностью, и «барина» в кабаль не допустили на сцену. Потом для актера московского городского театра комина Грало-Совольского, Чехов сочинил — буквально в два с половиной часа, — монологу, в преддверии Праздника, о молодости, беззаботности, лето и весело, но театр во больше и больше выдался на душу Чехова встигавшей в его сознанию, отражая своим воздухом, заманивая в свои объятия и тоску. Чехову нравились эти стихи, адротное зерно, брошенное в действительность, с годами прорастало, давало колоски, цылило мету. В ту пору, в эти 30 годы, театр как то особенно жарко завоевывал в свои сети, кружил головы, состоял в нем, обилие любознатель и изобретатель, называли обильная тем, окружали себя единственными восторгам. Чехов от принадлежал еще и своей комедийной жанровости стороной. В свои молодой вселенной его душевно облизалась с театром, с его яркими легкостью, изобретательностью, осязательностью и эфемерностью. Чехов смотрел на театр не серьезно. Только поэтому у него мог появиться такой неожиданный разговор с Короленко. Это обитало между ним и еловой: Короленко и театр! Собораясь приехать к нему в театр Новогород Чехов вдруг предложил:

— Напишем драму. В 4-х действиях. В 4-х действиях.

Короленко добродушно ответил, что ему с Чеховым «не усаждать»:

— Драм у нас пишут другие.

Когда Короленко снова приехал в Москву, то застал Чехова за писанием драмы. Это была пьеса «Иванов». Она была окончена, действительно, в 4-х действиях.

С какой легкостью Чехов относился к своим пьесам, лучше всего свидетельствует его письмо ко брату Александру Платонову (уже писателю, — писателю, Озасов):

«Пьеса я, написала недавно, после одного разговора с Кореньем. Легче спать, надумал тему и написал. Потратено на нее два недели, или, впрочем, 10 дней.

Они сам чувствуют, как все у него пишется легко, выходит без труда, не выжывает ни волнений, ни тревог: «Нет, вот эти явил благополучно пишущихся родимых — самый легкомысленный и несе-

рьюный», — признается он в письме Короленки. И с той же радостной беззаботностью подводит итога спектакля. Описывая брату Александру, как был разлит и принят «Иванов», он с облегчением, будто развязываясь с неожиданной нудой, говорит:

«Ну, все кончено!»

Казаюсь бы, все очень просто, — беззаботно, счастливо и весело. Однако, сдвиг остался. Уже эта первая сорванная встреча с театром многое изменила в чеховской душе, в настроении его бездельной молодости, уже тогда опыты не прошли даром. Тут, за кулисами, Чехов, лицом в лицо столкнулся с таковой и грозной театральной действительностью, узнал, что такое авторский пахотка и почувствовал, что такое роль, особенно тяжело, что, спустя много лет, остро ощущал о тех годах, когда ставили «Иванова».

— Чехову терпеть себя, — рассказывал он Потанин, — перестает быть самим собой, и его душевное состояние зависит от таких пустяков, которых он в другое время не замечал бы; от выражения лица помощника режиссера, от поклона выходящего актера... Автор причесывается в темной комнате, среди старых джупанов и утирает никогда отсюда не выйти из души ощущение, оно поднимает, пробуя, вырывается из себя, стремится на него, «выскакивает...» Они (пришедшие за кулисы) не подорожают, что перед ним временно осязаемый, который может вырваться на них и покусать их.

Пьеса прошла с успехом. В ней шумли, галдели, хлопали, пинали, Марья Павловна (сестра Чехова) едва не упала в обморок, с одним знакомым сдвинулось сердцебиение, а с одной из публики парило боковое возбуждение: «Мой кажется, — пишет Чехов брату, — что я весь в восторг, и я, конечно, не один. В третий день появились рецензии, и П. Китевель, фельетонист «Моск. Листка», назвал пьесу соумбрушиной, Чехова «блестящим» квестивником на идеальном материале.

Это были первые терни, первым алым отравы театр. Правда, Чехов же хотеть их замечать, боролся, острел. Но для всего близкого было ясно, какие внутренние мучения он переживал из-за своей пьесы. Пользовались дружеское доверие Чехова, хорошо знавший его И. П. Щеглов вспоминал, как разговаривал в московской прессе, сбитность рецензий, торопливости постановки, общее впечатление от спектакля «из коней разостройл нервы Чехова». Ему пришлось пережить еще больше волнение потом, когда «Иванов» должен был появиться на Александринской сцене. Режиссер Евгений Карпов установил чеховского героя лишним чеховским «из тургеневского вкуса». Савина не додумывал. Почему Иванов — подпеть?

А. С. Суворин, совмещая да ему больше ясное осознание, как трудно объяснить, почему для женщин являлось на него и почему Иванов поддег, а доктор великий человек? Это непонимание раздражало Чехова, он терпелся, переделывал, спорил, размышлял, даже ухитился взять пьесу назад, в том же кино, замучил ее. Такими терзаниями он измучился. А. П. Пшемеев уже жаловался: «Равные своей пьесы и не придавая значения и относясь к ней со снисходительной проноией; написала, мол, и черт ее знает. Теперь уже будет жалутая, истерная, вынужденного много исправлять, вставляли, выкидывали, переобразил для Савинной Саву, до неузнаваемости изменил 4-ый акт, перепроверял самого Иванова. Все это утомило и немало. «Вот так же трудно (переделывать) — такую огромную правитель Чехов, — так кучиштер солдатский штаны и стараться, но что бы ни стало, сделать из них фрак». Тут не только захотелось трагическое, но и зарежь лошадей.

Все свое знание Чехов промечтал о спокойной даже келейной литературной работе, тихой и уединенной, а большими немощными столзом, о неторопливом труде, о выношенных образах. Пусть это ему долго не удавалось, резко осуществилось, и все же ни гости, ни близкие знакомые, ни любознательные писатели не создавали такого шума, такти, тревог, какие пранес в его дом и душу театральная грохот, гомон, гул, исходящий от почтительных, рецензентов, приятелей и врагов.

— Валентинка — покоеное и святое дело, — выдался Чехов. — Пьесовая театральная форма — это заслонная жена, а драматическая — это эффективная, шумная, наглая и утомительная любовница.

И против Пшемеева :

«Ах, астрелите меня, если я сойду с ума и стану заниматься не своим делом».

Все это осталось словами и метания. Петербург потряснул «Иванова» овацией. Пьеса прошла с блестящим успехом. Ею были разданы лучшим силам Александринской труппы. Чехову устроили восторженный прием, его много раз вызывали, потом чествовали, лились рвы. Театр будто рывал в выпуски Чехова, быть своим обаянием. И он только что написала «Иванова», «Иванова» «Иванова» поставили в Корша, она вышла, она понравилась, шумная на сцене, но не театральной сцене хотеть и сам Чехов Чехова. Ему пришлось пережить еще больше волнение потом, когда «Иванов» должен был появиться на Александринской сцене. Режиссер Евгений Карпов установил чеховского героя лишним чеховским «из тургеневского вкуса». Савина не додумывал. Почему Иванов — подпеть?

тона Павловича увидеть афишу и пошел посмотреть. Апплодисментам не было конца, и вовлечь понравился даже самому автору. Быть в восторг и отец Антона Павловича:

— Какую чудесную вещь ты написал... Но на думѣ Чехова было неспокойно. Его ущемляли одинаково успѣхъ и неуспѣхъ: онъ всегда чуждался шумихи, избѣгалъ публичности, ему претила всякая фальшь, — гдѣ же все это искать какъ не въ театрѣ и вокругъ него? И Чеховъ признавался и сожалѣлъ: «За своихъ Медвѣдей», — писалъ онъ Щеглову, — мнѣ стыдно, театра я не люблю...» Онъ не лгалъ, но всѣ эти жалобы и сѣванія были покаяніемъ грустнаго похмѣлья и сюда, къ театру, Чехова неуклонно «влекла невѣдомая сила», какъ человѣка, нѣсколько разъ попробовавшаго владѣть виномъ и испытывающаго счастье опьяненія; не совсѣмъ алкоголика, но уже почти пьяница. Такъ и тутъ. Всего за восемь мѣсяцевъ до этого признанія Чеховъ откровенно писалъ Плещеву: «Ахъ, если въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» узнаютъ, что я пишу водевилъ, то меня предадутъ анафемѣ. Но что же дѣлать, если руки чешутся и хочется учинить какое-нибудь тру-ля-ля...»

Къ театру у Чехова было двойственное отношеніе, точнѣе, два отношенія, и оба искреннія.

Его тянуло къ театру и отталкивало отъ него, соблазняли образы и, особенно, новые приемы, нужные драматургии, естественность и жизненность сценическихъ героевъ, простая правда мелочей и переживаній, и въ то же время раздражало и огорчало непониманіе его задѣть режиссерами, актерами, рецензентами, публикой какъ ужасало искаженіе задуманныхъ имъ лицъ.

Не будемъ вспоминать о горькомъ для Чехова и постыдномъ для Александринскаго театра провалѣ «Чайки»: бенефисъ Левѣевой, публика, пришедшая посмѣяться, опешеломленный и подавленный Чеховъ, его бѣство изъ Петербурга, его отчаяніе, его рѣшеніе больше никогда ничего не писать для театра. Но, вотъ, всего за три мѣсяца до смерти онъ писалъ своей женѣ О. Л. Книпперъ о «Вашинскомъ садѣ». — «Немировичъ и Алексѣевъ (Станиславскій) въ мой пьесѣ видятъ положительно не то, что я написалъ, и я готовъ дать какое-нибудь слово, что оба они ни разу не прочли внимательно моего пьесы».

Такъ все и шло. За двойственное чеховское отношеніе къ театру въ свою очередь театръ будто рѣшилъ отплативать ему тоже двойственностью и непостоянствомъ. Проваливъ «Чайку» въ Петербургѣ, вознесъ ее въ Москвѣ и сдѣлалъ символомъ лучшей дѣла на театральномъ землѣ, незабываемой побѣдой московскихъ художественниковъ. Зато, проваливъ въ Москвѣ «Иванова», создалъ ему успѣхъ въ Петербургѣ, въ той самой Александринкѣ, гдѣ «Чайка»

была погублена. Превосходно и неповторимо сыгралъ МХТ «Три сестры», «Иди Ваня» и (какъ намъ представлялось) «Вшневный садъ», но вотъ оказывается, что и тутъ все-таки были для Чехова шипы и тернии, огорченія и недовольство. Такъ было въ театрѣ, такъ было около него, и Левъ Толстой къ Чехову относился тоже двойственно. Онъ исключительно высоко ставилъ Чехова-беллетриста, цитировалъ на память отдѣльныя мѣста изъ его рассказовъ, находилъ ихъ мастерскими, перепечатывалъ по нѣскольку разъ, называлъ ихъ перлами искусства, считалъ Чехова «несравнимымъ художникомъ», «лучшимъ въ прозѣ», но отрицательно отзывался о его пьесахъ:

— Вы знаете, — сказали они однажды Чехову, — я терпѣть не могу Шекспира, но ваши пьесы еще хуже. Шекспиръ все-таки хватаетъ читателя за шиворотъ и ведетъ его къ извѣстной цѣли, не позволяя свернуть въ сторону. А куда съ вашими героями дойдешь? Съ дивана, гдѣ они лежатъ, до чулана и обратно?

Наконецъ, и самъ Чеховъ относился къ своей драматургіи тоже двойственно: то отмахивался отъ нея, отказывался, принималъ рѣшенія никогда больше не писать пьесъ, то заступался за нихъ, оберегалъ неприкосновенность, чуть ли не каждой реплики и каждого штриха. Вдругъ говорилъ пренебрежительно и потомъ разсказывалъ всю ихъ значительность. Хотѣлъ казаться равнодушнымъ къ нимъ и внезапно зажигался огнемъ негодованія противъ всѣхъ, кто ихъ не хотѣлъ или не могъ понять такъ, какъ это было нужно, по его мнѣнію. Не довѣрялъ себѣ, но писалъ и волновался предъ постановкой, и присутствовалъ на репетиціяхъ, и чувствовалъ себя счастливымъ при успѣхѣ.

Въ письмѣ къ Суворову онъ говоритъ:

— Ахъ, затѣмъ я писалъ пьесы, а не побѣсти!

Черезъ недѣлю снова ему же пишетъ:

— Я не чувствую къ своимъ пьесамъ ничего, кромѣ отвращенія.

Слушая нѣсколько мѣсяцевъ Суворина въ Толстого и разговоръ зашемъ о «Чайкѣ».

— Чеховъ самый талантливыи изъ всѣхъ на «Чайку» очень плоха, — сказалъ Л. Н. Суворинъ, отлично знавшій Чехова, очень любившій его, замѣтилъ:

— Чеховъ умеръ бы, если бы ему сказать, что вы такъ думаете.

Но Немировича-Данченко Чеховъ увѣрялъ:

— Пипу для сцены, чтобы увеличить гонораръ изъ Общества Драматическихъ писателей. Это же выгодно.

А самъ Немировичъ поясняетъ:

— До Художественнаго театра Чеховъ не считалъ себя драматургомъ, можетъ быть, совершенно искренно, а можетъ быть, шала

свое самолюбіе. Хотѣлъ писать для театра, гдѣ-то въ тайникахъ души вѣрилъ въ себя, какъ драматурга, но такъ какъ успѣха еще не имѣлъ, а радостью съ нимъ имѣлъ успѣхъ опеническихъ дѣлъ мастера, то онъ маскировался въ равнодушіе.

И въ этой неровности своего отношенія къ театру, этой неуверенности въ самомъ себѣ, сказалась опять-таки глубокая искренность Чехова. Театръ его трясъ, и держалъ, и шпырлялъ изъ стороны въ сторону, и возносилъ, и низвергалъ, все время заставлялъ нервничать, — вѣрять и сомнѣваться, подходить и отходить, влюбляться и разочаровываться. Все укорачиваетъ наши дни, число ихъ у Чехова уменьшалось, и его писательскій трудъ, но этого прекраснаго человѣка особенно энергично, восточно и слѣдо подталкивало къ мопи-дъ театру. **Д. ТРУНИНОВЪ**